

Научная статья
[https://doi.org/ 10.23672/SAE.2024.23.14.009](https://doi.org/10.23672/SAE.2024.23.14.009)
УДК 347.9

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА ПРИВЛЕЧЕНИЯ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ДОЛЖНИКА ЛИЦ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Киселёв В.В.

Московский университет им. С.Ю. Витте

Аннотация. В данной научной статье проводится сравнительно-правовой анализ института привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности в российском и зарубежном праве.

Цель: дать сравнительно-правовой анализ института привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности.

Методы: анализ, синтез, обобщение и систематизации научных источников по проблеме исследования.

Результаты. Особое внимание уделено вопросу российского регулирования, основанного на действиях контролирующего лица, а не исключительно на его статусе, что является ключевым аспектом для привлечения к ответственности. Рассматриваются принципы злоупотребления правом и добросовестности в контексте российской доктрины и законодательства, особенно в статьях 61.11-61.13 Закона о банкротстве. Проанализирована англо-американская концепция *independency* и немецкая доктрина *Zustandshaftung*, отмечено их влияние на российское правовое поле. Описана доктрина «идентификации», которая позволяет рассматривать участника и юридическое лицо как единый экономический агент для удовлетворения кредиторских требований. Особое внимание уделено постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53, которое расширяет правовую базу в области банкротства, интегрируя принципы различных правовых систем.

Выводы. Сделан вывод о том, что российское законодательство и судебная практика в области корпоративного контроля и банкротства проходят процесс адаптации к международным стандартам, обеспечивая более эффективное регулирование корпоративных отношений и защиту кредиторов, что способствует укреплению законности, справедливости и предсказуемости в области корпоративной ответственности и банкротства.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность, контролирующее лицо, злоупотребление правом, добросовестность, банкротство, российское законодательство, сравнительно-правовой анализ, англо-американское право, немецкое право, доктрина «идентификации», корпоративная вуаль, правовая интеграция, корпоративный контроль.

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE INSTITUTION OF BRINGING PERSONS CONTROLLING THE DEBTOR TO SUBSIDIARY LIABILITY

Vladislav V. Kiselev

Witte Moscow State University

Abstract. This scientific article provides a comparative legal analysis of the institution of bringing persons controlling the debtor to subsidiary liability in Russian and foreign law.

Object: to provide a comparative legal analysis of the institution of bringing persons controlling the debtor to subsidiary liability.

Methods: analysis, synthesis, generalization and systematization of scientific sources on the research problem.

Findings: Particular attention is paid to the issue of Russian regulation based on the actions of the controlling person, and not solely on its status, which is a key aspect for bringing liability. The principles of abuse of rights and good faith are considered in the context of Russian doctrine and legislation, especially in articles 61.11-61.13 of the Bankruptcy Law. The Anglo-American concept of independence and the German doctrine of *Zustandshaftung* are analyzed, their influence on the Russian legal field is noted. The doctrine of

“identification” is described, which allows the participant and the legal entity to be considered as a single economic agent to satisfy creditor claims. Particular attention is paid to the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 21, 2017 No. 53, which expands the legal framework in the field of bankruptcy, integrating the principles of various legal systems.

Conclusions. It is concluded that Russian legislation and judicial practice in the field of corporate control and bankruptcy are undergoing a process of adaptation to international standards, providing more effective regulation of corporate relations and protection of creditors, which helps strengthen the rule of law, fairness and predictability in the field of corporate liability and bankruptcy.

Key words: *subsidiary liability, controlling person, abuse of rights, good faith, bankruptcy, Russian legislation, comparative legal analysis, Anglo-American law, German law, «identification» doctrine, corporate veil, legal integration, corporate control.*

Введение.

Субсидиарная ответственность контролирующих лиц должника активно дискутируется в сфере частного права, что вызвано реформами в законодательстве о банкротстве РФ (Федеральный закон № 127-ФЗ от 26.10.2002) [1]. Этот интерес обусловлен рисками для бенефициаров и возможностями для кредиторов в контексте восстановления экономической справедливости при недобросовестных действиях должника и контролирующих лиц. Институт интересен для исследований в свете принципа имущественной независимости юридического лица и его ограничений, а также, для сравнения с зарубежными аналогами и практиками. Злоупотребление корпоративной формой в ущерб кредиторам признается недопустимым как в России, так и за рубежом.

Обсуждение. Результаты.

Субсидиарная ответственность контролирующих лиц должника, в контексте банкротства физических лиц, становится особенно актуальной в случаях, когда руководители или бенефициары компаний, обанкротившихся в результате недобросовестных действий, пытаются избежать ответственности за долги юридического лица, переводя активы на себя и последующее объявление личного банкротства. Российское законодательство предусматривает меры против таких манипуляций, направленные на защиту интересов кредиторов и обеспечение экономической справедливости.

Примером такого случая может служить ситуация, когда руководитель обанкротившейся компании переводит на свое имя ценные активы организации, а затем подает заявление о своем банкротстве, утверждая, что не в состоянии удовлетворить требования кредиторов. В таких обстоятельствах кредиторы могут обратиться в суд с требованием привлечь к субсидиарной ответственности контролирующее лицо, доказывая, что банкротство физического лица является по-

пыткой уклонения от выплаты долгов юридического лица.

В соответствии со статьями 61.11-61.13 Закона о банкротстве, контролирующие лица могут быть привлечены к субсидиарной ответственности в случае, если установлено, что банкротство компании произошло из-за злоупотребления правом или недобросовестных действий со стороны этих лиц. Это создает дополнительные риски для руководителей, пытающихся использовать банкротство как инструмент для освобождения от корпоративных обязательств, и дает кредиторам инструменты для восстановления справедливости.

Развитие корпоративного права привело к отделению юридической личности организации от её учредителей, что отражает исторический переход от индивидуальной коммерческой деятельности к инкорпорации инвестиций и участия в коммерческом обороте. В России субсидиарная ответственность контролирующих лиц является относительно новой концепцией, в отличие от зарубежных юрисдикций, где она более устоявшаяся.

В контексте эволюции европейского корпоративного права, возникла необходимость в закреплении принципа ограниченной ответственности учредителей за долги компании, что стимулировало защиту интересов инвесторов. Данный принцип предусматривал ответственность инвесторов лишь в рамках их вкладов в капитал компании, исключая сверхобязательства.

Нормативное закрепление этого принципа в Европе датируется началом XIX века, как, например, Торговый кодекс Франции 1807 года [4] и Закон о компаниях с ограниченной ответственностью в Англии 1855 года [5].

В Соединенных Штатах Америки в тот же период времени возникла потребность в регулировании корпоративных отношений, особенно в контексте управления одной компанией юридическими лицами других организаций, что при-

вело к усложнению корпоративных структур управления. Отличительной особенностью было прямое участие холдингов в управлении подконтрольными компаниями, что могло ставить под вопрос их имущественную обособленность и автономность.

К концу XIX века сложилась атомистская концепция юридических лиц, акцентирующая внимание на принципах юридического равенства и самостоятельности корпораций, в оппозиции к взаимозависимости и контролю [10].

Изучение корпоративных структур и принципов ответственности в правовой доктрине выявило различия между отношениями «инвестор-компания» и «материнская-дочерняя компания» как в плане управления, так и финансового планирования. Критики, включая профессора Ф. Блумберга, утверждали, что исторически сложившаяся практика ограничения ответственности в группах компаний могла возникнуть случайно и представляет собой аномалию, поскольку принципы корпоративного управления в таких группах отличаются от традиционных корпоративных отношений [7].

В начальном периоде развития корпоративных структур, включая принцип ограниченной ответственности, не было достигнуто равновесие между защитой инвесторов и предотвращением злоупотреблений со стороны крупных корпораций. Вопрос о соотношении между ограничением ответственности и возможностью пробивания корпоративной завесы обсуждается по сей день. Различные юрисдикции применяют разные подходы к этой проблематике. Существуют определенные критерии и тесты, позволяющие в определенных случаях преодолеть ограниченную ответственность и возложить ее на фактических участников, которые не были причастны к неисполненным обязательствам, приведшим к долговым обязательствам.

В континентальных и англосаксонских правовых системах существуют различия в подходах к привлечению контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, что обусловлено различиями в правовом регулировании, историко-правовыми особенностями и концепцией имущественной независимости юридических лиц. В англо-американской правовой системе данный подход известен как «пробивание корпоративной завесы».

Термин «пробивание корпоративной завесы» эволюционировал во времени и обозначает ситуации, когда участники корпорации несут ответственность перед контрагентами за нару-

шения, проступки и убытки. В международной практике существуют два разных подхода к вопросу о взыскании долгов компании с ее участников или родительских корпораций. Первый основывается на принципе независимости, предполагающем ответственность участников, если она явно установлена законом, и не требует применения принципа пробивания корпоративной завесы для взыскания долга с третьих лиц.

Доктрина «идентификации» подразумевает рассмотрение участника и юридического лица как единого экономического агента, что позволяет объединять их имущественные массы для целей удовлетворения кредиторских требований по определенным долговым обязательствам. Эта доктрина применяется как для материнских и дочерних компаний, так и для «сестринских» компаний без иерархической связи. В контексте права общего права, судебная практика в этой области опирается на прецеденты или разрабатывает индивидуальные критерии применения доктрины, как видно из дела *Laya v. Erin Homes, Inc*, где был предложен ряд показателей, позволяющих суду снять корпоративную вуаль. В России указанные принципы были адаптированы в рамках частного и публичного права [6].

В немецком правопорядке используется концепция «проникающей ответственности», которая включает в себя две доктрины: «ответственность за контроль», основанная на влиянии материнской компании на хозяйственную деятельность ее дочерних обществ, и «ответственность за поведение», акцентирующая внимание на конкретных действиях управляющего субъекта в отношении дочернего предприятия, вне зависимости от его доминирующего положения.

Концепция контрольной ответственности правомерно утверждает, что подчиненные компании могут исполнять обязательные инструкции от головной компании, что иногда приводит к убыткам для их контрагентов из-за неисполнения обязательств. Это укладывается в принцип запрета недобросовестного поведения, но простое наличие контроля не может служить основанием для проникающей ответственности без учёта конкретных действий головной компании. Необходимо учитывать, что юридические лица действуют автономно и могут самостоятельно причинять убытки контрагентам. Строгое следование концепции состояния ответственности предоставляет третьим лицам широкие возможности для взыскания с головной компании, хотя вред, причиненный действиями головной компании, не всегда является очевидным и доказуе-

мым. Введение проникающей ответственности только на основе статуса контролирующего субъекта ведет к недопустимому объективному вменению, что не соответствует принципам юридической ответственности.

В официальных документах, Федеральный Конституционный суд Германии развивает *Verhaltenshaftung*, акцентируя на поведении управляющего относительно дочерней компании и на концепции «фактически признанных групп компаний». Подход к проникающей ответственности теперь включает оценку действий менеджмента. Суд подчеркивает возможность игнорирования указаний в случае недобросовестного поведения менеджера, но отмечает сложность применения концепции без четких законодательных критериев [9].

Практика показывает, что необходимо учитывать конкретные обстоятельства нарушения принципа добросовестности, что осложняет предсказуемость правоприменения. В немецкой правовой доктрине сложились две основные теории проникающей ответственности: злоупотребления правом и целенаправленного применения норм.

А. В. Егоров и К. А. Усачева предлагают функциональный метод, который фокусируется на решаемых проблемах и функциях правовых институтов, а не на формальных аспектах. Сравнительные подходы, англо-американскую *independency* можно уподобить немецкой теории целенаправленного использования норм, а немецкую злоупотребления правом - с англо-американской *identification*. Ответственность возникает либо из прямого законодательного указания, либо из злоупотребления правовой структурой, наносящим ущерб кредиторам. Функционально, эти подходы стремятся к одной цели: обхода юридической организационной независимости для восстановления финансового положения кредиторов [8].

В Российской Федерации концепция проникающей ответственности и снятия корпоративной вуали является относительно новым явлением и не имеет такого же длительного исторического развития, как в правовых системах Западной Европы, Великобритании и США. При формировании норм о субсидиарной ответственности в Законе о банкротстве России были учтены практики и принципы зарубежных правовых систем, что привело к синтезу элементов как англо-американского, так и континентального права. Основопологающим аспектом российско-

го законодательства в отношении контролирующего должника лиц является понятие контроля.

Согласно статье 61.11 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», контролирующими считаются лица, обладающие возможностью направлять действия должника, в том числе через обязательные указания или определение условий сделок, на протяжении трех лет до признаков банкротства и после их возникновения до момента официального признания должника банкротом. Законодательство также предусматривает неполный список критериев, позволяющих классифицировать лицо как контролирующее, вводит опровержимые презумпции, влияющие на распределение бремени доказывания в судебном разбирательстве и предоставляет суду дискреционные полномочия для идентификации таких лиц.

Регулирование вопросов корпоративного контроля в России характеризуется комплексным подходом, включающим: законодательное определение контролирующих лиц, гибкую систему критериев для их определения, презумпции, облегчающие процесс установления факта контроля, и разнообразие судебной практики, обусловленное широтой судебных полномочий по данному вопросу.

В научной парадигме, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 [2] заметно расширяет правовую базу в контексте банкротства, вводя положения, не закрепленные в законе. Этот документ интегрирует принципы, характерные как для англо-американской, так и для немецкой правовой систем. Отражение немецкой доктрины *Zustandshaftung* проявляется через презумпции контроля, а российское законодательство включает принцип *Verhaltenshaftung*, подразумевающий ответственность за вред, причиненный в результате незаконных или недобросовестных действий.

Российское регулирование опирается на действия контролирующего субъекта, а не просто на его статус, что является ключевым для привлечения к ответственности. Подход соединяет элементы злоупотребления правом и целенаправленного применения нормативных актов. В доктрине и законодательстве РФ злоупотребление правом, включая нарушение принципов добросовестности, является основанием для ответственности, в то время как статьи 61.11-61.13 Закона о банкротстве конкретизируют условия для привлечения к ответственности контролирующего должника лиц, устанавливая специальный

состав правонарушения. Это находит параллели с англо-американской концепцией *independency*, предусматривающей ответственность на основе независимых принципов.

В контексте российского и англо-американского корпоративного законодательства, российские судебные органы демонстрируют гибкость в определении контролирующих лиц для целей субсидиарной ответственности, используя открытый перечень условий, что даёт судам широкий простор для трактовки. Например, в решении арбитражного суда (№ 09АП-40300/2020) [3] руководитель, создавший новую компанию и переведший на неё активы прежней, был привлечён к ответственности согласно ст. 61.11 Закона о банкротстве РФ. Это судебное решение коррелирует с англо-американским принципом горизонтального проникновения корпоративной вуали (*horizontal piercing*), когда привлекается к ответственности руководитель, который использовал новую компанию для получения выгоды, уклоняясь от обязательств предыдущей. Такой подход отражает классическую концепцию снятия корпоративной вуали, основанной на трансфере активов (*asset stripping*).

В рамках анализа российских судебных решений стоит выделить определение Высшего Арбитражного Суда от 16 декабря 2019 года (№ 303-ЭС19-15056), которое развивает позицию Пленума Верховного Суда РФ о деликтной природе субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц. Судебная коллегия по экономическим спорам, рассматривая данный случай, указала на равноправие субсидиарной ответственности с иными обязательствами по возмещению ущерба, включая возможность перехода таких обязательств по наследству. Такое расширение круга лиц, несущих ответственность, включая наследников контролирующего должника, вызывает дискуссии в юридическом сообществе, поскольку ставит их в равные условия с фактическими руководителями должника, несмотря на отсутствие правонарушений со стороны наследников.

Кроме того, подвергается сомнению сама классификация субсидиарной ответственности как деликтной. Е.Д. Суворов предлагает рассматривать субсидиарную ответственность как

результат отказа защищать принцип ограниченной ответственности, возникающий из-за злоупотребления правом [11]. В этой связи, привлечение контролирующего лица к ответственности не связано с нарушением конкретных обязательств или запретов, затрудняя применение такой ответственности к наследникам и ставя под вопрос её соответствие целям процедуры банкротства.

В рамках сравнительно-правового анализа института привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности, были выявлены ключевые аспекты и тенденции развития данного правового явления. Исторически сложилось, что ограниченная ответственность в корпоративных структурах требует баланса между защитой интересов инвесторов и предотвращением злоупотреблений. Современные правовые системы разрабатывают различные механизмы для решения этого вопроса, что позволяет при определенных условиях преодолевать корпоративную завесу и привлекать к ответственности контролирующих лиц.

В контексте российского законодательства, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 оказало значительное влияние на практику привлечения к ответственности контролирующих лиц в случаях банкротства. Документ вводит новые правовые нормы, расширяя правовую базу и интегрируя принципы, характерные для различных правовых систем, таких как англо-американская и немецкая. Особенно важно отметить внедрение презумпций контроля и принципа ответственности за вред, что существенно упрощает процесс доказывания факта контроля и устанавливает более строгие рамки для недобросовестных действий контролирующих лиц.

Заключение.

Таким образом, в статье подчеркивается, что российское законодательство и судебная практика в области корпоративного контроля и банкротства проходят процесс адаптации к международным стандартам, обеспечивая более эффективное регулирование корпоративных отношений и защиту кредиторов. Это, в свою очередь, способствует укреплению законности, справедливости и предсказуемости в области корпоративной ответственности и банкротства.

Конфликт интересов

Conflict of Interest

Не указан.

None declared.

Рецензия

Review

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. *Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.11.2023). URL: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 15.12.2023).*
2. *Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве». URL: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 15.12.2023).*
3. *Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда № 09АП40300/2020 от 12.10.2020 по делу А40-63572/19. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 15.12.2023).*
4. *Code de commerce (ancien) Dernière mise à jour des données de ce code: 21 septembre 2000. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006069441/1807-09-25 (дата обращения: 15.12.2023).*
5. *Limited Liability Act 1855. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Vict/18-19/133/enacted> (дата обращения: 15.12.2023).*
6. *Laya v. Erin Homes, Inc. URL: <https://law.justia.com/cases/west-virginia/supreme-court/1986/16965-5.html> (Дата обращения: 15.12.2023).*
7. *Александрова А. В., Горохова А. Е., Секерин С. В. Эволюция взглядов на корпоративное управление // Известия МГТУ. 2013. №4 (18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-vzglyadov-na-korporativnoe-upravlenie> (дата обращения: 15.12.2023).*
8. *Егоров А. В., Усачева К. А. Доктрина «снятия корпоративного покрова» как инструмент распределения рисков между участниками корпорации и иными субъектами оборота // Вестник гражданского права. 2014. № 1. С. 31–73.*
9. *Избранные решения Федерального Конституционного Суда Германии. Сост.: Ю. Швабе, Т. Гайсслер. Отв. ред. К. Кроуфорд. М. – Инфотропик Медиа. 2018. URL: https://www.kas.de/documents/278107/5436368/Ausgew%C3%A4hlte+Entscheidungen_Book.pdf/8efadaf-e03e-75c2-66da-e0f976928330?version=1.0&t=1555592705132 (дата обращения: 15.12.2023).*
10. *Пархоменко А. Д. Сходства и различия подходов к правовому регулированию субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в российском и зарубежном праве // Актуальные проблемы российского права. 2021. №12 (133). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/shodstva-i-razlichiya-podhodov-k-pravovomu-regulirovaniyu-subsidiarnoy-otvetstvennosti-kontroliruyuschih-dolzhnika-lits-v> (дата обращения: 15.12.2023).*
11. *Суворов Е.Д. К вопросу о правовой природе субсидиарной ответственности по обязательствам несовершеннолетнего должника за доведение до банкротства // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. 2018. №7. С.42-49.*

References:

1. *Federal Law No. 127-FZ dated October 26, 2002 (as amended on August 4, 2023) “On Insolvency (Bankruptcy)” (as amended and supplemented, entered into force on November 3, 2023). URL: SPS “Consultant Plus Prof” (access date: 12/15/2023).*
2. *Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 21, 2017 No. 53 “On some issues related to holding persons controlling the debtor liable in bankruptcy.” URL: SPS “Consultant Plus Prof” (access date: 12/15/2023).*
3. *Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal No. 09AP40300/2020 dated 10/12/2020 in case A40-63572/19. URL: <https://sudact.ru/> (access date: 12/15/2023).*
4. *Code de commerce (ancien) Dernière mise à jour des données de ce code: 21 September 2000. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006069441/1807-09-25 (Date of access : 12/15/2023).*

5. *Limited Liability Act 1855* [Electronic resource] // Access: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Vict/18-19/133/enacted> (access date: 12/15/2023).

6. *Laya v. Erin Homes, Inc.* URL: <https://law.justia.com/cases/west-virginia/supreme-court/1986/16965-5.html> (Accessed: 12/15/2023).

7. Aleksandrova A.V., Gorokhova A.E., Sekerin S.V. *Evolution of views on corporate governance* // *News of MSTU*. 2013. No. 4 (18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-vzglyadov-na-korporativnoe-upravlenie> (access date: 12/15/2023).

8. Egorov A.V., Usacheva K.A. *The doctrine of “removing the corporate veil” as a tool for distributing risks between participants of the corporation and other subjects of turnover* // *Bulletin of Civil Law*. 2014. No. 1. P. 31–73.

9. *Selected decisions of the Federal Constitutional Court of Germany*. Compiled by: Yu. Shvabe, T. Geissler. Rep. ed. K. Crawford. M. – Infotropic Media. 2018. URL: https://www.kas.de/documents/278107/5436368/Ausgew%C3%A4hlte+Entscheidungen_Book.pdf/8efadafef03e-75c2-66da-e0f976928330?version=1.0&t=1555592705132 (access date: 12/15/2023).

10. Parkhomenko A. D. *Similarities and differences in approaches to the legal regulation of subsidiary liability of persons controlling the debtor in Russian and foreign law* // *Current problems of Russian law*. 2021. No. 12 (133). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/shodstva-i-razlichiya-podhodov-k-pravovomu-regulirovaniyu-subsidiarnoy-otvetstvennosti-kontroliruyuschih-dolzhnika-lits-v> (date of access: 12/15/2023).

11. Suvorov E.D. *On the issue of the legal nature of subsidiary liability for the obligations of a minor debtor for bringing to bankruptcy* // *Laws of Russia. Experience. Analysis. Practice*. 2018. No. 7. P.42-49.

Информация об авторе:

Киселёв Владислав Вячеславович, аспирант, ЧОУВО «Московский университет им. С.Ю. Витте», e-mail: vladislavkiselev2797@gmail.com

Vladislav V. Kiselyov, Postgraduate student, S.Y. Witte Moscow State University